

Д А Т А

Директор Большого

О композиторе Михаиле Чулаки в канун его 90-летия вспоминает Мстислав Ростропович в беседе с музыковедом Манаширом Якубовым:

Михаил Чулаки

— Михаил Иванович вошел в мою жизнь в самый тяжелый период моей юности, когда

с семьей, отцом, матерью и сестрой я был эвакуирован в город Оренбург (тогда Чкалов). Там же, к моему счастью, находился ленинградский Малый оперный театр, вместе с которым в Оренбург был эвакуирован и Чулаки.

Мне было 14 лет. После смерти отца надо было как-то зарабатывать на пропитание — я делал копилки из консервных банок и медицинских пробирок, рамки для фотографий... До эвакуации я занимался композицией у Евгения Иосифовича Меснера в музыкальном училище при Московской консерватории. А в Оренбурге учиться композиции было не у кого. И вот у меня появилась возможность продолжать мое композиторское образование у Михаила Ивановича Чулаки. Он учил меня основам оркестровки, знакомил с музыкой более современной, чем я знал: Прокофьева, Шостаковича, Стравинского.

Михаил Иванович занимался со мной просто из доброго отношения ко мне. Незаметно помогал в делах, совсем не относящихся к моим занятиям музыкой. Однажды мне принесли какие-то ботинки, и я потом узнал, что это он хлопотал, видя, что мне нечего носить. Когда я похоронил отца и должен был ехать в Мос-

кву, вдруг приходит телеграмма, что Консерватория дает мне стипендию, хотя я еще и не поступал туда. Это тоже были результаты хлопот Михаила Ивановича.

Когда он стал секретарем Союза композиторов, его положение оказалось исключительно трудным. В мрачные времена избияния гениальных композиторов — Мясковского, Прокофьева, Шостаковича — он вел, думаю, самую осторожную политику из всех возможных.

— Последняя, посмертно изданная книга Чулаки называется «Я был директором Большого театра». Он рассказывает, например, что министр культуры Фурцева настойчиво добивалась постановки одноактных балетов Чайковского, а он никак не решался ей сказать, что у Чайковского нет таких балетов. Перед генеральной репетицией оперы Бриттена «Сон в летнюю ночь» раздался звонок Фурцевой: «Вы репетируете «Сон в летнюю ночь»? А мне сказали, что это педерастическая музыка!»

— Когда Большим театром руководил Михаил Иванович, это был лучший период в его истории. Немудрено, что после «отлучения» из Большого театра его потом попросили вернуться.

Михаил Иванович пригласил меня в Большой театр дирижировать оперой «Евгений Онегин». Он вообще смело выдвигал людей. При нем в Большом театре замечательно работал Рождественский. Михаил Иванович стремился по возможности ввести в репертуар лучшее из современной музыки. Он мне дал продирижировать «Войну и мир» Прокофьева. Будучи талантливым композитором, автором оперы и трех балетов, он никогда не проталкивал свои произведения в репертуар театра, как это часто случается сегодня.

Московские новости
1998. — 22 ноября. —
с. 24.